

Катя де Бесерра

КОГДА
ПРИЗРАКИ ПОЗОВУТ
НАС ДОМОЙ

Катя де Бесерра
Когда призраки
позовут нас домой
Серия «По ту сторону зеркала.
Фэнтези для подростков»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73199813

ISBN 978-5-04-239803-2

Аннотация

Когда Софии было двенадцать лет, она сыграла главную роль в фильме своей сестры Лейлы под названием «Вермиллион» – её героиню терроризировал призрак заброшенного особняка.

Годы спустя София уверена, что все ужасы, свидетелем которых она стала во время съемок, были постановочными. Но у ярых поклонников фильма есть другие теории, и когда Лейла пропадает, София соглашается вернуться в тот злополучный дом.

Чем дольше София проводит в особняке, тем больше она понимает, что все её представления о «Вермиллионе» основаны на лжи и забытых воспоминаниях, и только вспомнив правду, она сможет найти свою сестру.

Содержание

Часть 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Катя де Бесерра Когда призраки позовут нас домой

Katya de Bescerra © 2023

«This edition published by arrangement with The Deborah Harris Agency and Synopsis Literary Agency».

Иллюстрация на обложке *ACell99*

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2024

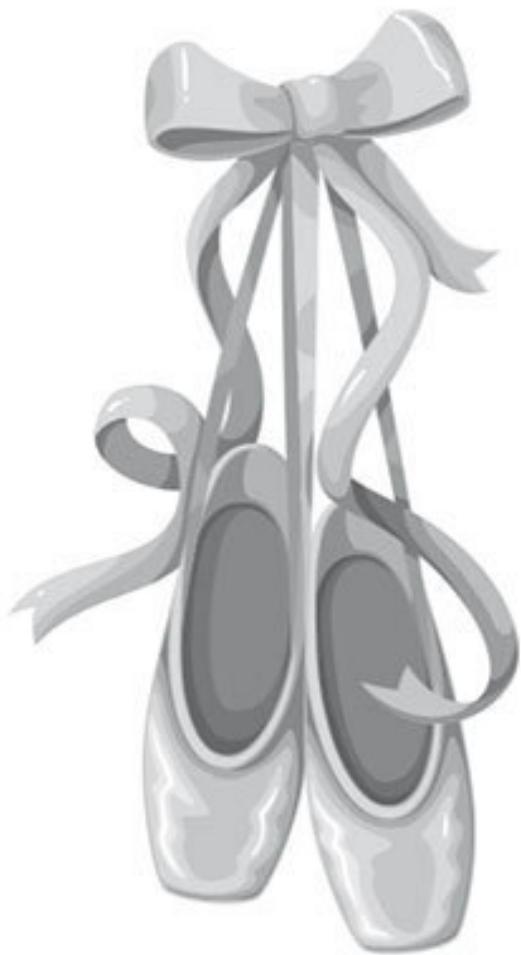
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

Хорхе и моим родителям

А ещё Рене, у которой такие отличные идеи

Смертельный страх так же значим, как любовь.

Он проникает в глубину души и показывает тебе, кто ты такой. Ты отшатнёшься и закроешь глаза? Или осмелишься подойти к краю и заглянуть в бездну?

Мариша Пессл, «Ночное кино»

Часть 1

Дом

1.

Призраки – это воспоминания; они становятся частью тебя, как плоть и кровь. Этот урок я прекрасно усвоила в Кашор-хаус тем летом, пять лет назад, когда моя сестра Лейла снимала любительский фильм ужасов под названием «Вермиллион», а сам Кашор-хаус служил съёмочной площадкой. «Вермиллион» стал сенсацией арт-хауса. Я, двенадцатилетняя, играла главную роль. Сценария не было, фанаты досочинили его потом. Лейла вообще ничего не писала. «Вермиллион» представлял собой талантливое сочетание жутких сцен – отдельных кусочков и фрагментов, которые сестра собрала воедино при окончательном монтаже. Хотя я понимала, что, как бы ни раскачивались люстры и ни летала мебель, мне ничего не грозит, но всё равно здорово боялась. Мне и сейчас жутко.

Многое из того времени я помню расплывчато и несвязно, но одно знаю наверняка – это всё было понарошку. Спецэффекты. Так сказала Лейла. И я ей поверила, хотя её злобный самодельный реквизит казался *слишком* выразитель-

ным в залитых луной комнатах Кашор-хауса.

Этот дом годами снился мне в кошмарах.

После выхода «Вермиллион» о моей сестре и её своеобразном творении много писали. Я собирала вырезки и распечатки, а потом, когда шум немного поутих, выбросила всю свою коллекцию. И всё-таки некоторые статьи о Лейле и «Вермиллионе» у меня сохранились, особенно те, в которых автор задавал вопросы, которые и мне не давали покоя. Вот, например, статья из одного блога:

Реалистичный испуг юной героини придаёт достоверности мрачному шедевру Лейлы Галич, а мучения призрака вызывают у зрителя сострадание и пронизывающий до костей ужас... Неудивительно, что этот фильм пробудил интерес у поклонников жанра, положив начало бесчисленным любительским расследованиям и попыткам разобраться в загадочном сеттинге и запутанном сюжете. Неужели маленькая София пережила эти леденящие кровь встречи с призраком? Действительно ли Лейле Галич удалось снять на камеру настоящее привидение? И правда ли мрачные легенды, окружающие фильм, выходят за рамки снятого? Фанаты – «вэишники», как они себя называют – утверждают, что после просмотра пережили мистический опыт, а в стоп-кадрах и размытых дальних планах заключены подсказки. Я уверена, что любой поклонник хочет спросить у своего любимого режиссёра: «Будет ли продолжение?»

Эсме Крэг, отзыв на «Вермиллион» для «Подвала с приви-

дениями», сетевого журнала, посвящённого авторскому кино в жанре хоррор.

Ну или вот ещё статья, которая уподобила фильм Лейлы одновременно работам Дэвида Линча, Кармен Марии Мачадо и всей классической псевдодокументалистике в жанре хоррор. Как если бы «Вермиллион» представлял собой чудовище Франкенштейна, собранное из чужих фрагментов, идей и настроений.

Лейла редко давала интервью и обсуждала свою творческую позицию – за некоторыми исключениями. Когда настойчивый репортёр на вручении премии «Сатурн» загнал её в угол, она сказала знаменитые слова:

– Люди думают, что в Кашор-хаусе живут привидения. Кто я такая, чтобы это отрицать? Я просто держала камеру.

Обозреватели и критики хвалили меня за «реалистичный испуг» и «правдивые реакции», однако моя детская популярность не шла ни в какое сравнение с культом Лейлы. Она вознеслась на вершины славы, которая затем сожрала её живьём.

И всё из-за дома на утёсе.

Из-за Кашор-хауса.

Летом 2017 года мама и папа, профессиональные архитекторы, заключили контракт на реставрацию приморского особняка, выстроенного в начале двадцатого века. Дом стоял в процветающем калифорнийском городке Ливадия. Такого рода работа предполагает полное погружение. Нам предсто-

яло всей семьей поселиться в этом доме.

Чтобы не прерывать занятия в школе, о работе всегда договаривались на лето. Вместо того чтобы ехать в лагерь или валяться на пляже с друзьями, мы проводили каникулы в каком-нибудь захолустном городишке, пока родители превращали чертежи в реальность.

Кашор-хаус был одним из их крупнейших проектов. В отличие от прошлых раз, нам пришлось сменить школу; а когда мы поняли, что ежедневно добираться на занятия слишком сложно, то перешли на онлайн-обучение. Как будто дом требовал получить нашу семью в своё полное распоряжение. Мама с папой старались его преобразить, а он, в свою очередь, преображал нас.

Просто мы тогда этого не понимали.

2.

Мои воспоминания о Кашор-хаусе полны сомнений. Одни вещи я помню с мучительной ясностью, другие похожи на обрывки давних снов, от которых просыпаешься посреди ночи, стиснув зубы и чувствуя, как кровь стучит в ушах. Странные события вне всякой логики, бурные эмоции, леденящий душу страх.

Первые три ночи в Кашор-хаусе стояла такая тишина, что был бы слышен бег мыши по деревянному полу, если бы за окнами не рокотало море. Когда я, смущённая насторожен-

ной тишиной Кашор-хауса, сидела в постели ночью, то видела, как над обсидиановыми волнами в усыпляющем ритме скользят лучи маяка. Поначалу мне это нравилось. Дом очаровал меня своей тихой красотой... он нас всех очаровал.

Кашор-хаус построили в двадцатые годы прошлого века, а в 1933 году его разрушило землетрясение. Он много лет стоял пустым, пока его не купили. Загадочный новый владелец и нанял моих родителей, чтобы отреставрировать особняк. Мы прожили там почти год, в уцелевшем восточном крыле. Лейла говорила, что там останавливались все, кто приезжал в Кашор-хаус. Но я забегаю вперёд.

Сразу после приезда мама с папой по уши ушли в работу, предоставив нас с Лейлой самим себе. Как обычно. В те времена я думала, что Лейла самый интересный, красивый и разумный человек на свете. Я подражала сестре во всём, от причёски и манеры сочетать рваные джинсы с просторными блейзерами до взвешенной речи. Каждое слово, произнесённое ею, было дороже золота. Я, маленькая надоедливая шпионка, обыскивала комнату Лейлы, ища секреты в загромождённом шкафу и между страницами дневника. Я восхищалась её быстро растущей коллекцией оккультных предметов, играла с кристаллами, листала книги, носившие такие названия, что по мне мурашки бежали. Приятно было испытывать трепет. Никакой замок не мог меня удержать, никакой тайник не оставался тайником надолго.

Но Лейла всегда была на шаг впереди – непостижимая и

недостижимая.

Я с детства желала знать, где находится сестра. Нюх служил мне лучше любого GPS-приложения. Я таскалась за Лейлой повсюду. По ночам я вылезала из окна и шла за ней, ступая след в след. Но каждый раз я её теряла – она будто растворялась в тени. Конечно, Лейла знала, что я шпионю.

Однажды, когда я в очередной раз за ней пошла, она подождала меня на углу нашей улочки, в неровной тени аккуратно подстриженных кустов. Лейла была раздражена, судя по тому, как она постукивала пальцами по бедру, но... не только. В её тёмных глазах читалось любопытство. Ей понравилась моя ловкость? Моя преданность льстила сестре? В конце концов, я была самой большой фанаткой Лейлы задолго до «Вермиллион», задолго до того, как появилась орда «вэшников».

– Если я тебе скажу, куда иду, ты вернёшься домой? – спросила она.

Мы заключили договор. Я перестану следить за сестрой – пусть живёт своей загадочной ночной жизнью. А Лейла за это будет рассказывать мне о своих вылазках.

Я страстно ждала её рассказов. О мальчиках, с которыми она целовалась. О подпольных клубах, в которых танцевала. О барах, в которых бывала – при помощи поддельного удостоверения личности, позволившего моей сестре, которой едва стукнуло шестнадцать, проникать в совершенно немыслимые места. Родители ничего не знали. Лейла в их

присутствии отлично играла роль воспитанной девочки. Но я знала настоящую Лейлу.

По крайней мере, мне так казалось. И я хранила её секреты.

Равновесие длилось до приезда в Кашор-хаус.

В этом доме мы нарушили все правила. Наши жизни так переплелись, что я уже не знала, где заканчивалась Лейла и начиналась я.

Естественно, когда Лейла заинтересовалась историей Кашор-хауса, я последовала её примеру.

Помимо блужданий по опалённым солнцем улицам Ливадии и поглощения кофе со льдом и шоколадных кексов, мы проводили время, роясь в запылённых городских архивах и болтая с местными. Я даже не задавалась вопросом, почему Лейла сразу после переезда начала настоящее научное исследование. Может быть, её попросили родители, желавшие отыскать оригинальные планы Кашор-хауса. Но, как выяснилось, Лейлу интересовали вовсе не чертежи. Впрочем, я и не знала, что сестра искала нечто конкретное... призрака. Настоящее привидение. И нашла. Так, во всяком случае, решили фанаты.

Мы выяснили, что Кашор-хаус построили для Петра фон Гана, барона русского происхождения, якобы чёрного мага. Этот шарлатан выдавал себя за брата мадам Блаватской. Помимо хорроров, Лейла всерьёз увлекалась оккультизмом. Хрустальные шары, свечи, заклинания и всё такое. Когда

речь зашла об истории Кашор-хауса, тёмный маг просто обязан был её заинтересовать.

Фон Ган выстроил Кашор-хаус по образцу семейного поместья – Ласточкиного Гнезда в Ялте. Ливадия, с её высокими скалами, оказалась идеальным местом для того, чтоб отдать дань памяти покинутой родине. Говорили, что особняк был назван в честь несчастной возлюблённой барона, знаменитой балерины, эмигрантки Адрианы Кашаровой. Её короткая, но бурная жизнь оборвалась во время землетрясения 1933 года, когда скала, на которой стоял дом, дала трещину. Принимавшая солнечную ванну Адриана рухнула в море вместе с частью внутреннего дворика.

Тело так и не нашли.

Ходили и другие слухи – например, что название Кашор-хауса содержало в себе имя некоей демонической сущности, которую фон Ган призвал, желая заключить договор в стиле Фауста. Демон, который жаждал заполучить человеческое тело и любил красный цвет, надул барона и отказался уходить. С тех пор он обитал в доме.

Только когда Лейла начала фиксировать нашу жизнь на камеру, я стала понимать, что за место мы называли домом. Будь я внимательнее, я, возможно, догадалась бы, что Лейла действует не наугад. Но я была слишком заморожена, чтобы в чём-то заподозрить сестру или понять, как сильно она рискует.

В начале нашего пребывания в Кашор-хаусе меня как буд-

то постоянно окружал густой туман. Всё время было что-то не так – кружилась голова, тошнило, давило в груди. Когда я пожаловалась родителям, они решили, что это нервы, или аллергия на пыль, или просто первые месячные, хотя они действительно случились тем летом, только позже.

На четвёртую ночь в Кашор-хаус произошли странные вещи. Ту ночь я помню с отчётливостью, которой недостаёт многим моим более поздним воспоминаниям.

Мама уже легла спать, когда свет вдруг замигал и погас; папе пришлось идти к распределительному щиту. Лёжа в тёмной комнате, я прислушивалась к его удаляющимся шагам. И тут явилась Лейла и посветила фонариком мне в лицо.

– Пора встать и отправиться на поиски, София Премудая, – сказала она, театрально раскланиваясь. – Ночь наша. Секреты Кашор-хауса нас ждут.

Она начала в шутку звать меня Софией Премудрой, когда мне было лет шесть. Я не отличалась мудростью – по крайней мере, на свой взгляд, – но походила на учёную сову из какого-то мультика. У меня были большие круглые глаза и кустистые брови. Ну и вдобавок моё имя означает «мудрость».

Лейла поманила меня за собой. Наши привычные роли переменялись: я перестала быть младшей сестрой, которая украдкой преследует старшую. Но и в этом приключении я не была равноправной участницей. Подозреваю, Лейла уже держала в уме фильм и мою роль в нём. Но если бы тогда у меня и возникли какие-то подозрения, я бы от них отмахну-

лась. Я не желала сидеть одна в темноте – и пошла за Лейлой, которая освещала путь фонариком.

В ту ночь мы обнаружили тайную комнату, полную карнавальных костюмов и реквизита. Парики, закрученные усики, как у Эркюля Пуаро, лакированные потрескавшиеся маски. Старинные веера из лебединых перьев. Искусственные руки, уши, носы. В свете фонарика комната и её содержимое выглядели зловеще. Не требовалось больших усилий, чтобы вообразить, что всё это – сброшенные личины, которые носили во время какого-то тёмного ритуала.

Стены были занавешены простынями. Лейла сняла одну из них и взвизгнула. Казалось, со стены на неё прыгнул призрак. Лейла отступила на шаг, и призрак повторил её движение. Это было зеркало. Мы обе рассмеялись.

Она стащила остальные простыни. Зеркала были повсюду. В воздухе повисла пыль, и мы расчихались. Сразу мы этого не заметили, но потолок тоже был зеркальным. Кашор-хаус в нём казался вывернутым наизнанку.

Лейла взяла со столика старомодные очки в прямоугольной оправе. Одного стёкла не доставало, другое треснуло. Лейла надела их и устремила луч фонарика себе в лицо, а потом заплясала в темноте, кружась и корча рожи.

Впоследствии она воссоздала эту сцену в «Вермильоне», в эпизоде под названием «Гардеробная барона фон Гана». Лейла была за кадром – она держала камеру, а я танцевала в этих самых очках, и в свете фонарика моё лицо казалось

призрачным.

Вы думаете, раз Лейла назвала свой фильм в честь цвета, который нравился демону фон Гана, значит, в фильме были реки крови, текущие с потолка, и ещё какая-нибудь жесть? Ничего подобного. Лейла снимала не расчленёнку, а нечто совсем иное.

3.

Фильм, снятый Лейлой, и наша жизнь в Кашор-хаусе ушли в прошлое, однако события пятилетней давности продолжают на меня влиять.

Два года назад сестра пропала.

В последний раз мы общались в ту ночь, когда она исчезла.

«Я это делаю ради тебя. Я тебя люблю. Прости».

Это было её последнее сообщение. Лейла, видимо, думала, что я понимаю, о чём речь, но я до сих пор теряюсь в догадках. На мой взгляд, извиниться Лейле следовало только за то, что она сделала меня звездой своего фильма. Её послание ни о чём мне не говорило.

Пытаясь восстановить события, которые привели к исчезновению Лейлы, я обнаружила запись разговора со службой спасения. Соседка Лейлы по общежитию набрала 911, почувяв запах едкого дыма из комнаты моей сестры. Когда я читала эту запись, мне казалось, что я вдыхаю едкий дым. Но

спасатели, приехав, не обнаружили следов пожара. Нет. Они увидели окровавленные стены, а на ковре – остатки круга из чёрной соли. Лейла исчезла.

Полиция поначалу решила, что сестру похитил какой-нибудь чокнутый «вэшник». Но затем появились новые улики. Камеры наблюдения на кампусе запечатлели Лейлу, которая выходила из общежития незадолго до звонка соседки в службу 911. Она подошла к ближайшей парковке, села в машину и исчезла в ночи. Хотя номер машины разглядеть не удалось, полицейские предположили, что это такси. Однако денег с карточки Лейлы никто не снимал.

У сестры не было с собой никаких вещей, не считая того, что могло лежать в карманах. Отслеживать её стало всё труднее по мере того, как загадочная машина ехала по шоссе 101 в сторону океана, а потом... Лейла пропала вообще. Как будто перестала существовать – только что была тут, потом исчезла, совсем как призрак в фильме. Но, в отличие от заглавного героя «Вермиллион», который всегда возвращается, машина так и не вернулась, и Лейла тоже.

Камеры глючат. В цифровые записи вкрадываются ошибки. Так полицейские сказали моим родителям. Не считая направления, в котором ехала машина, ничто не связывало Лейлу с Ливадией... с Кашор-хаусом.

Но я знаю, что Лейла отправилась именно туда.

Зачем? Что-то её вынудило? Может быть, ей правда угрожал какой-то фанат?

Примерно через год после исчезновения Лейлы появилась новая ужасающая улика. Но, поскольку существовала она лишь короткое время, полицейские не поверили мне, когда я им позвонила. Они не видели того, что видела я – фотографию Лейлы, в том виде, как она вышла из общежития. Лейлы на пороге Кашор-хауса.

Фотография пропала из Сети очень быстро – она как будто возникла нарочно, чтобы её увидела я, и больше никто. Фото выложили на сайте «Алый ужас», закрытом сетевом сообществе, в котором творчество Лейлы считалось реально пережитым опытом, а не конструктом поп-культуры. Никто в точности не знает, как возник «Алый ужас» и кто его модерировал. Впервые я услышала про этот сайт вскоре после того, как «Вермиллион», начав с бесплатного ролика на Ютубе, стал широко известен. В одной из рецензий упоминался быстро растущий форум, куда стекались фанаты, чтобы поделиться личным опытом после просмотра фильма. Там беседовали о призраках в искусстве... во всяком случае, в кино.

Сначала я зашла на сайт из любопытства. И тут же обнаружила, что доступ закрыт. «Алый ужас» не похож на другие фанатские форумы. Завести аккаунт, заплатить вступительный взнос... нет, всё не так просто. То есть взнос нужно заплатить, но не деньгами, а рассказами – историями о подлинном опыте встречи со сверхъестественным, о том, что невозможно объяснить. О том, что связано с Лейлой и её филь-

мом.

На форуме можно найти информацию обо всём, что касается «Вермиллиона» и Лейлы, – от некромантии и спиритизма до моды и макияжа. Целый тренд посвящён сравнению оттенков красной помады с цветом платья, который носит существо в фильме. Другой раздел, под названием «Умеют ли мёртвые танцевать?», предлагает пошаговую реконструкцию танца, который я исполняю в одной из самых жутких сцен. Есть закрытый раздел, посвящённый Пути, – там обсуждают мистические знаки, связанные с фильмом. Мне пока не удалось получить туда доступ; он напоминает святая святых, куда допускаются только посвящённые.

Есть раздел «Лейла Галич жива», который фанаты создали, чтобы обмениваться сообщениями о том, где и когда мою сестру якобы видели. Он возник вскоре после исчезновения Лейлы. Я туда проникла, раздобыв фейковые учётные данные через одну подпольную онлайн-контору, которая предлагает полную анонимность и не отказывается иметь дело с несовершеннолетними. Некоторое время этот раздел даже был полезен, а потом я обнаружила нечто необъяснимое – фотографию моей сестры на крыльце Кашор-хауса.

Насколько я могла судить, тут обошлось без фотошопа; это не была старая фотография Лейлы или моя, отредактированная так, чтобы я стала похожа на сестру. На снимке была Лейла – озарённая лунным светом, она тянулась к дверной ручке. Её лицо, невероятно грустное, а ещё – отчаянное,

до безрассудства, поразило меня. Я лишь один раз видела Лейлу такой – когда на съёмках случилась неприятность и я чуть не погибла.

Когда я увидела фотографию – доказательство последнего местонахождения Лейлы, – то испугалась так, что аж перед глазами поплыло. Как будто сам Кашор-хаус тянулся ко мне сквозь пространство и время, как будто чья-то когтистая лапа тащила меня к себе, схватив за руку. Как будто Кашор-хаус звал меня домой.

Я сидела в своей комнате, словно окаменев, и смотрела на фотографию, пока она не начала расплываться. Что это, моя сестра повернулась? Её губы шевельнулись, произнося моё имя?

«Алый ужас» не позволяет делать скриншоты и скачивать снимки. Тогда я этого не знала. Я жала кнопку на ноутбуке раз за разом. Сайт перезагрузился, и меня выбросило. Когда я снова вошла, фотография уже исчезла.

Родители мне не поверили. Полиция тоже. Они сказали, что мне мерещится. Или ещё хуже – что я пытаюсь привлечь к себе внимание.

В конце концов полицейские, хотя и неохотно, обыскали Кашор-хаус. Они не нашли ничего, кроме паутины и мусора. С тех пор как родители закончили работу, особняк стоял пустым, и люди его сторонились. Интересно, что случилось с последними владельцами Кашор-хауса? Почему они отказались от планов, которые имели на дом?

Что касается Лейлы, я знала, что она не сбежала и не покончила с собой. Кто-то её забрал – и, возможно, сфотографировал на крыльце дома. Но никто из видевших мою сестру в ту ночь – от загадочного водителя до фотографа, который наблюдал за ней издали, – не связался с полицией.

Вся правда о том, что случилось с Лейлой, скрыта где-то там, и она связана с Кашор-хаусом – и, вероятно, с фанатами «Вермиллиона». Чтобы найти сестру, нужно мыслить, как «вэшник».

Вот почему я возвращаюсь туда, где всё это началось и где Лейлу видели в последний раз.

Я возвращаюсь в Ливадию, где беспокойным сном на осыпающейся скале спит Кашор-хаус. Вместо того чтобы отдыхать у озера с друзьями, наслаждаясь летним солнцем, я уже не первый час сижу в трясущемся фургоне с двумя соседками. Одна из них, оператор, угрюмо молчит, а вторая, продюсер, что-то нервно пишет в телефоне. Но через несколько часов мои мучения окупятся. Я встречу с человеком, который помог мне вернуться в Ливадию. Он ждёт меня в Кашор-хаусе, вместе с секретами, оставшимися от сестры.

Целый год я провела, планируя это втайне от мамы с папой. Если – когда – родители узнают о моих настоящих планах на лето, проведённое вне их поля зрения, они придут в ярость; но я готова заплатить эту цену за ответы, которые ищу. Надеюсь, моё тщательно составленное алиби не раскроют и друзья сохранят тайну. Я слишком далеко зашла, чтобы

отступиться.

Я должна знать, что случилось с Лейлой.

4.

Я не верю в призраков и никогда не верила, во всяком случае как в нечто осязаемое, то, что можно почувствовать или увидеть. Даже жизнь в доме, якобы населённом привидениями, и съёмки в фильме ужасов меня не переубедили. Я видела, на что способна Лейла. Она придумывала пугающий реквизит, чтобы добиться от меня нужной реакции, и всегда была рядом, с камерой наготове, чтобы заснять мой испуг. Однако я верю в силу памяти; верю в призраков как в остатки сильных эмоций, которые мы некогда пережили. Со временем я усвоила, что призраки по большей части молчат. Но бывают минуты, когда внешний шум ненадолго стихает... и тогда они появляются. Я годами слышала призраков давно минувшего лета – и отказывалась их слушать. Но я уже не двенадцатилетняя девочка. Мне семнадцать, столько же, сколько было Лейле, когда она сняла «Вермиллион». И я готова выслушать то, что пытаются сказать призраки Кашор-хауса.

В моей душе лежит водораздел, чёткая линия между временем, прожитым с Лейлой в Кашор-хаусе, и всем, что случилось позже. Я знаю, что это ненормально, но бороться не хочу. Я боюсь минуты, когда огонь, горящий во мне, погас-

нет. Но, быть может, ещё больше я боюсь минуты, когда найду то, что ищу. Когда найду Лейлу. Что тогда будет меня воодушевлять? Кто я, помимо мыслей о призраках прошлого?

У меня руки чешутся от нетерпения; хочется взять телефон и зайти на «Алый ужас». Часами листать страницы, изучать жуткие посты «вэшников» – это вошло в привычку с тех пор, как я увидела ту фотографию. Я боюсь что-то пропустить – ещё одно фото, ещё одну подсказку.

Но я знаю, что прямо сейчас заходить на сайт не стоит. Я не одна – и, более того, на меня направлена камера, которая фиксирует каждое моё движение. Это плата за временный доступ в дом, сожравший мою сестру. Мне придётся принять участие в съёмках документального фильма в честь пятилетней годовщины выхода «Вермильона». Родители не знают, чем я занята, и я намерена держать их в неведении как можно дольше. Тот, кто всё это придумал – Эразм Сойер, – снял Кашор-хаус на несколько недель. Поскольку дом привлекает фанатов, как свеча мотыльков, я от души надеюсь, что съёмки, которые проводятся без огласки, останутся тайной, во всяком случае до конца процесса.

Мы опаздываем, а значит, деньги тратятся впустую. Петра, наш продюсер, так сказала во время последней остановки, примерно через час после выезда из Фресно. С тех пор водитель непрерывно жал на газ. Лейлу уже давно бы укачало – но её тут нет. А я есть.

До Ливадии мы добираемся на закате.

Отчасти я благодарна, что мы спешим: быстрая езда не позволяет задумываться. Отчасти я напугана до паралича.

Внешне этот прилизанный райский уголок не изменился за минувшие пять лет. Идеальные, как на картинке, домики стоят, не ведая об ужасе, таящемся в Кашор-хаусе. Изгибаются белые мощёные улочки, как в сказке.

У меня звонит телефон.

Мне сразу делается зябко. В машине лютый холод – включён кондиционер, – но дело не в этом. Телефон остаётся лежать в кармане. Вероятно, пришло ещё одно сообщение от друзей. Очередное селфи с озера. У меня мало друзей, но те, что есть, – друзья настоящие, их доверие я заслужила тяжким трудом. Они обеспечивают мне прикрытие на время съёмок.

Вот о чём я стараюсь не думать: каждый раз, слыша знакомый звонок, я вспоминаю о сестре. Пусть даже я давно уже перестала ждать сообщений от Лейлы.

– Ещё один комментарий, пока не приехали, – говорит Петра, прерывая ход моих мыслей.

Я смотрю в окно в поисках вдохновения. Камера скользит по мне. Мириам деловита и загадочна – она в основном молчит, но её присутствие интригует. Интересно, каким она видит мир через объектив, какой видит меня. Я мельком замечаю своё отражение в её круглых очках – и отворачиваюсь.

– Вон там знаменитое местное кафе.

Не обращая внимания на камеру, направленную мне в ли-

цо, я указываю на ярко-розовый навес, который пролетает мимо так быстро, что невозможно его запечатлеть.

– Лучшее мятно-шоколадное мороженое в округе, – добавляю я.

Не помню, ела ли я его. Впрочем, никому об этом знать не надо. Мои воспоминания о том давнем лете полны провалов, но это только моё дело.

Когда мы приближаемся к цели, в фургоне наступает неестественная тишина. Мириам не перестаёт снимать, даже когда я отворачиваюсь и прислоняюсь головой к окну, делая вид, что всё хорошо, что мне вовсе не предстоит встреча со всеми детскими ужасами.

У подножия утёса – пост охраны. Это что-то новенькое. Фургон останавливается, и дружелюбный охранник проверяет наши документы. Похоже, Эразм Сойер не хочет, чтобы фанаты Лейлы наносили нам непредвиденные визиты.

Кашор-хаус высится над Ливадией, как властелин, обзирающий свои земли. Чем больше мне открывается с каждым поворотом извилистой дороги, тем меньше я верю, что когда-то называла это место своим домом.

Ещё несколько минут, ещё один поворот – и мы на месте. Первой вылезает Петра, за ней Мириам, которая снимает, как я выбираюсь из машины. Шум океана поглощает шарканье моих ног.

Лёгкая дымка окутывает особняк, цепляясь за шпили башенок. Фанаты Лейлы часто называют Кашор-хаус замком.

В чём-то они правы. Массивный, блестящий стальными балками и толстыми стёклами, он действительно похож на сказочный замок. Время и расстояние не лишили его прелести. От этого зрелища дух захватывает.

С того места, где я стою, не видно террасу, нависшую над морем. Но я знаю, как она выглядит, если смотреть на неё с пляжа под утёсом.

Каждый раз, когда Лейла отправлялась вниз, на пляж, чтобы найти эффектный ракурс или снять красивый пейзаж, я следовала за ней. Мои босые ноги были мокры от морской воды и облеплены песком. Лейла наводила камеру на Кашор-хаус, и мы шли по берегу, пока не достигали глубоких луж, оставленных приливом у подножия утёса. Когда я стояла там, в тени Кашор-хауса, меня охватывал странный холодок. Сначала он леденит пальцы на ногах, потом полз все выше, пока веки не наливались свинцом.

Лейлу влекло к этим глубоким лужам, а меня они пугали. От них неприятно пахло плесенью и гнилью. Как будто кто-то утонул. Когда я пожаловалась Лейле, она отмахнулась.

– Вода в них не застаивается, – сказала она.

Иными словами, если бы кто-то там и утонул, его бы рано или поздно смыло в море.

Но запах не проходил.

Поскольку наружная терраса Кашор-хауса была полностью восстановлена нашими родителями, в детстве мне не приходило в голову задаваться вопросом, какие части ста-

рого здания – те, что рухнули от землетрясения, – по-прежнему покоятся на дне этих ям. Потом у меня возникла жуткая мысль, что кости Адрианы Кашаровой лежат там, наполовину погребённые в песке и иле; облепленные водорослями, они служат убежищем для суетливых крабов. Но теперь я знаю, что это нелогично. Во-первых, останки Адрианы искали везде, а во-вторых, кости с тех пор наверняка превратились бы в прах.

Я так долго смотрю на Кашор-хаус, что глаза начинают слезиться.

– Представляю, как ты скучаешь по Лейле, – говорит Петра. – Я думаю, её дух с нами.

Она неверно истолковала мои слезы. Когда люди говорят, что чей-то дух с нами, они не имеют этого в виду буквально, однако я искренне надеюсь, что Петра ошибается. Одного страдающего духа в Кашор-хаусе достаточно. Двух мы не выдержим.

5.

Камера следует за мной, пока я иду по кирпичной подъездной дорожке к двери. Я останавливаюсь на крыльце, разглядывая изысканную дверную ручку в форме лебедя. Этот лебедь появляется в первом же эпизоде «Вермиллиона»: ручка медленно поворачивается, словно сама собой, и дверь открывается. Если поставить видео на паузу, можно мельком

заметить мою тень. Это я поворачивала ручку изнутри.

Отполированная бронза не утратила блеска. Я думаю о том, как Лейла взялась за ручку, повернула её, как скрипнул металл... Я стою там, где стояла моя сестра в ту ночь, когда исчезла.

– В фильме лебедь символизирует приглашение, тайну, которую нужно раскрыть, – произносит за кадром голос Петра.

Я знаю – она хочет, чтобы я сказала нечто значительное. Но я в растерянности.

Вся та информация, которую Лейла нашла про Кашор-хаус, никак не объясняла обилие лебединой символики в доме. Местный любитель истории, с которым сестра познакомилась, сказал, что в Кашор-хаусе якобы разбросаны девяносто три изображения лебедя. Но, как мы ни старались, нам удалось найти только восемьдесят пять. Любовь барона к лебедям была, вероятно, чисто художественным решением, которое приобрело дополнительный зловещий смысл лишь благодаря Лейле.

Но Петра наверняка хочет услышать что-нибудь поинтереснее.

– У Лейлы была идея... – я собираюсь с мыслями и поворачиваюсь к камере. – Мать барона фон Гана происходила из семьи Лебедевых. Возможно, эта птица служит отсылкой к родовому имени.

– А ты что думаешь, София? – спрашивает Петра.

Я вздыхаю и придаю лицу меланхоличное выражение.

– Я всегда думала, что лебедь связан с самой Адрианой Кашаровой. Она ведь была балериной и училась у знаменитой русской танцовщицы-эмигрантки. На сцене её часто называли лебедем...

Я берусь за ручку. Ребристая поверхность касается чувствительной ладони, и я ощущаю лёгкую дрожь. Отчасти я ожидаю, что телефон в кармане снова пискнет, но он молчит. Я открываю дверь.

Таща за собой чемодан, я вхожу в просторную, небывало роскошную прихожую. Это место я помню совсем другим. Когда родители вели восстановительные работы, все помещения были окутаны плёнкой и обтянуты оградительной лентой. Снимая «Вермиллион», Лейла должна была осторожно двигать предметы, не привлекая внимания родителей, чтоб расчистить место для моих постановочных встреч с призраком. Но теперь я вижу большое помещение, полное естественного света. Шёлковые вышитые обои. Парчовые шторы с золотой нитью. Мебель в стиле ар-деко – хорошо сохранившиеся оригиналы или великолепная имитация. Это сравнение устарело лет на десять, но тем не менее я вспоминаю роскошный интерьер «Титаника». Недостаёт только обречённого оркестра в углу, играющего «Иду к тебе, Господь».

Некогда барон и его возлюбленная Адриана встречали гостей в этой блистательной прихожей. Писатели, ученые,

политики, интеллектуалы из числа эмигрантов собирались здесь, в великолепном жилище фон Гана. Они проводили спиритические сеансы, играли в рискованные сексуальные игры, обсуждали политику. Скандально известные праздники барона затягивались до утра. А поутру, протрезвев, усталые, но довольные гости и хозяева спускались по каменной лестнице, вырубленной в скале, на песчаный пляж, чтобы полюбоваться восходом.

Теперь в Кашор-хаусе кишит совсем другая публика. Съёмочная группа устанавливает освещение и камеры – такое ощущение, что все они направлены на меня. Пять лет назад мне казалось, что за мной постоянно следят, и причина была не только в вездесущей камере Лейлы. Казалось, сам Кашор-хаус не сводит с меня глаз. Сейчас я могу с уверенностью сказать, что мне не мерещится – за мной действительно следят, но по крайней мере это техника, а не призраки, созданные Лейлой.

«Я здесь. Я вернулась».

От этой мысли у меня перехватывает дыхание. Во что я ввязалась?

Почему мне хочется развернуться и бежать без оглядки?

Я поднимаю голову и встречаю взгляд Эразма Сойера – нашего режиссёра. Он спускается по парадной лестнице со второго этажа и направляется ко мне. Мы впервые видимся вживую; он не сводит с меня гипнотизирующего взгляда, даже когда я отвожу глаза. Мы говорили по телефону и в Зуме,

переписывались, но при личной встрече Эразм – высокий, широкоплечий, с окладистой чёрной бородой – оказался гораздо эффектней, чем я думала.

– София, я очень рад, – говорит Эразм, пожимая мне руку. Ладонь у него сухая и шершавая, необычная на ощупь.

– Спасибо, что согласилась приехать и дала мне возможность начать съёмки. Я знаю, тебе это нелегко.

– Спасибо, что взялись это осуществить, – отвечаю я, дипломатично воздерживаясь от упоминания своих подлинных планов.

Я здесь, потому что Эразм – мой пропуск в Кашор-хаус, шанс проникнуть туда, где в последний раз видели Лейлу.

Когда Эразм впервые, больше года назад, связался со мной и заговорил о съёмках документального фильма, который увековечил бы творческое наследие моей сестры, я сначала отказалась в этом участвовать. Даже его внушительная репутация меня не убедила. Я слишком часто обжигалась в токсичном фэндоме «Вермиллиона». Всякий раз, когда я слышу: «Я большой поклонник Лейлы Галич», мне хочется бежать.

Но проклятая фотография Лейлы на пороге Кашор-хауса всё изменила. Она влекла меня, как песнь сирены.

Я отчаянно хотела сюда вернуться. Очень быстро я прониклась идеей приехать в Кашор-хаус и обыскать все закоулки в поисках Лейлы.

«Вэшники» говорят, что «Вермиллион» – загадка; фильм

тесно связан с домом и его историей, и в сюжет вплетены призрачные подсказки.

Если я разгадаю эту загадку, вернётся ли сестра?

Я написала Эразму и согласилась. Если сотрудничество с ним – единственный способ проникнуть в Кашор-хаус, ничего не поделаешь.

Мне необыкновенно повезло, что он пожелал снять фильм в честь годовщины выхода «Вермилльона». Как будто вселенная услышала мой призыв и в самый подходящий момент откликнулась. В глубине души я гадаю, отчего Эразм так интересуется Лейлой и её творчеством, но, если я буду приставать с вопросами к режиссёру, моё пребывание в Кашор-хаусе, возможно, закончится, не успев начаться. Без Эразма и его проекта мне бы пришлось довольствоваться типичными фанатскими приёмами, и, вероятно, меня бы поймали через пять минут после проникновения в дом. По крайней мере, я так думаю. Полиция заявила, что в Кашор-хаусе установлена сигнализация – однако моя сестра в ту ночь почему-то не попала. Она словно прошла сквозь дверь и немедленно растворилась в тени.

И вот я здесь – и готова сниматься; при этой мысли по мне бегут мурашки. Насколько я понимаю, отчасти фильм будет документальный, отчасти игровой. По словам Эразма, всё зависит от меня самой. Но я уже не двенадцатилетняя девочка с наивными глазами, полными искреннего ужаса. Кроме того, со времён «Вермиллиона» я нигде не снималась. Ин-

тересно, как он представляет себе Лейлу. У Эразма ведь есть какая-то концепция, так? Моя сестра – юный гений? Человек, раз в жизни создавший великое произведение? Странная, психически неуравновешенная девочка с извращённым взглядом на мир?

Об Эразме Сойере известно на удивление мало – он скуп на подробности. Помню, где-то я читала, что с будущей женой он познакомился ещё в школе; в настоящее время он вдовец... и всё. Эразм – не скандальная знаменитость, он не мелькает в соцсетях и даже о своих фильмах не особо распространяется. Настоящее воплощение «смерти автора». В этом смысле Эразм похож на Лейлу. Талантливый, замкнутый, загадочный.

Тайна окутывает и нынешний проект Эразма. О нём нигде официально не сообщали – только намекали.

Я отчаянно хотела одного: чтобы команда Эразма добилась допуска в Кашор-хаус. Мы практически не обсуждали детали съёмки, только основные моменты.

– Мне не терпится начать, – говорю я. – В смысле... официально. Мириам засняла всю нашу поездку.

– Для тебя приготовили твою старую комнату, – добродушно говорит Эразм.

Мою старую комнату.

Комнату, в которой я боялась каждой тени. Я улыбаюсь, скрывая растущую тревогу, и украдкой оглядываю прихожую.

– Мой сын поможет тебе донести вещи. Артур, иди сюда, поздоровайся с Софией, – зовёт Эразм.

– Да не надо мне помогать... – начинаю я, и тут передо мной возникает юная копия Эразма Сойера, только без бороды. Видимо, это и есть Артур. Он берёт мой чемодан.

Я не знала, что у Эразма есть дети. Никто и словом не обмолвился, что на съёмках будет присутствовать его сын.

Я раздумываю об Артуре, шагая за ним по лестнице. Он примерно моих лет. Высокий, как отец, но внушительным его не назовёшь – просто долговязый. Рваные чёрные джинсы. Рыжевато-каштановые волосы, обрамляющие лицо мягкими волнами. Взгляд уклончивый, но в тёмных, чуть припухших глазах Артура я успела заметить усталость. Интересно, сколько ночей он тут уже провёл, помогая отцу подготовить съёмочную площадку. Что он думает об этом доме? Видит ли движущиеся тени, как видела я пять лет назад?

Мы поднимаемся по кованой железной лестнице, и я стараюсь не думать о печально известной сцене из «Вермиллиона». Действие одного из первых эпизодов происходило прямо тут, и родители устроили нам разнос, едва не положив конец всему предприятию. Но в конце концов Лейла настояла на своём. Как обычно.

Мириам движется за нами. Ещё один оператор снимает нас со второго этажа, под таким углом, чтобы не лезть в кадр к Мириам. Нужно будет как-то привыкнуть к этому...

– Как тебя называют друзья? Софи? – спрашивает Артур,

когда мы приближаемся к верхней площадке.

– София.

Пусть и не думает звать меня уменьшительно-ласкательным именем.

Телефон пищит. Пришло сообщение.

– Значит, София, – говорит Артур весело.

Телефон опять пищит. И опять. И опять.

– Твой парень? – поддразнивает Артур таким тоном, как будто мы старые друзья.

Я ловлю его взгляд, отворачиваюсь и хмурюсь.

– Я устала, – говорю я, отчего-то смущаясь при мысли о том, что нас снимают. – Просто покажи мне мою комнату, ладно?

– Ладно, София Премудрая.

Знакомое обращение, сорвавшееся с его губ, вселяет в меня скверное предчувствие. Я хочу сказать Артуру, чтобы он никогда больше так не делал, но не желаю, чтобы это засняли на видео. Я киплю молча.

Артур несёт мои вещи к знакомой двери в конце коридора. Хорошо, что он не видит моего лица. Я *вынуждена* иметь дело с Эразмом. Но Артур... Даже не знаю, что о нём думать, как себя вести. Это незнакомец. Не люблю незнакомцев.

– Крепких снов, добрая душа, ночь укроет тебя своим крылом, – произносит он, не сводя с меня глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.